

«Мои методы ВАМ НЕ ПОДОЙДУТ»

*НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ
ПЕНСИОНЕРКИ ТАМИЛЫ П., В ПРОШЛОМ
УЧИТЕЛЬНИЦЫ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА
ИЗ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

Записала

МАРИЯ ГАНЬКИНА

Предлагаем вниманию читателей диктофонную запись странного, на первый взгляд, рассказа Тамилы П., искренне полагающей, что её педагогический опыт категорически устарел и ну никак не может быть кому-то полезен. Разделять её уверенность мы не спешим и предлагаем всем поразмыслить над рассказанными эпизодами и поделиться с читателями своими соображениями о причудливых сочетаниях формы и содержания в нашем нелёгком и запутанном педагогическом труде, столь похожем на искусство.

Предыстория

Возле метро я как-то покупала зелень и разговаривалась с маленькой, кругленькой, жизнерадостной продавщицей, пенсионеркой-«челночницей» из Запорожской области. Оказалось, что в прошлом, ещё до перестройки, она была школьной учительницей «ридной мовы», то бишь украинского языка. Я оставила ей свой телефон и пригласила в гости. Через пару дней она пришла и с порога стала наводить в доме шорох: меня – приучать правильно резать «цыбулю», детей – чистить ботинки, котов – есть борщ, мужа – «балакать» по-украински. Шуму было! Но и смеху тоже. Вскоре все мои домочадцы, включая котов, были построены в шеренги и под барабанный бой отправлены на кухню «вечерять». Само собой, был борщ, отбивные, сало, «картопля» и солёные «огирки». А ещё рассказы Тамилы Ивановны из её боевого педагогического прошлого. Есть было неудобно в буквальном смысле слова: рты у нас были разинуты, уши развешены, челюсти периодически отвисали, да ещё постоянно приходилось прыскать со смеху. Наезжая время от времени в Москву, она заходит к нам в гости. Мои сыновья – взрослые парни – ни за что не пропустят удовольствие от встречи с ней. Несмотря на то, что между делом рискуют «заработать терей» (то бишь получить по шее) за нечёсаные лохмы и неглаженные джинсы – уж очень жизнерадостно, без всякого занудства и совсем уж необидно это у неё выходит.

Пришла я в русскую школу читать украинский язык. Мало того, что в эту школу со всех школ Никополя самых неугодных учеников спихнули, так ещё учительница одна успела к себе в класс отобрать кого попримичнее. Так что мой 8 «В» получился бандитским классом: и знаний ноль, и поведение ужасное. Пришла я в восьмой класс и поняла, что начинать надо с четвёртого.

«РАСТЫКАЛА ИХ ПО УГЛАМ»

Вот сидит Бакунов 56-го размера и с ним Сытников – ма-асенький такой. Я веду урок и думаю: что они там делают, на задней парте? Я иду к ним и не знаю, что сейчас предприму.

Подхожу и вижу, что они положили портфели между партами и играют в карты. И на меня так хитро посматривают. А я не знаю, что мне делать. Я ведь только начала работать с этими ребятами, если пропустить мимо ушей – сядут на голову.

Надо отдать им должное: играют тихо, не мешают. Но как это так: все дети работают, а они в карты играют?!

Я говорю: отдайте мне карты. А они их прячут и ухмыляются. Потом я уже сама не знаю, что делала. Какхватила этого Сытникова, как выдернула из-за парты. И пу-

стила его по проходу. А Бакунова вытянуть не получается – он же здоровый. В общем, я не знаю как, но я его тоже вытянула из-за парты и тоже пустила...

По углам их растыкала. Сытникова спрашиваю: «Где мать?» (Чтобы не попасть впросак, никогда не спрашивала, где отец: вдруг отца нет?)

– На рабо-оте.

– А у тебя?

– То-оже.

В конце урока заходит завуч: «Что тут у вас случилось?» «У нас, – говорю, – уже ничего не случилось». (И когда только она что унюхала?!).

А у меня спаренные уроки и при том последние. Второй урок закончился. Все ушли по домам. Дежурные помыли полы и тоже ушли. Эти стоят, ничего не говорят. И я им ничего не говорю. Сижу, делами занимаюсь.

Проходит час. Тут Сытников говорит: «Мама во второй смене». Я говорю: «Будем ждать маму». И сижу, тетради проверяю. А они стоят по разным углам.

Слышу – шмыгают. Сытников:

– Я больше не буду...

– Что ты не будешь, Сытников?

– Я больше в карты не буду играть.

– Конечно, в карты ты не будешь играть, ты что-то другое придумаешь.

– Нет, мама домой придёт, будет нервничать очень, что меня нет. Извините, я больше не буду.

– Я даже не знаю, Сытников, что с тобой решать. Я даже не знаю, что тебе сказать.

Тогда второй плетётся из своего угла: «Я тоже не буду больше».

Я потом говорю:

– Как вам не стыдно?! Вы же взрослые ребята. Вы же знаете, что знаний у вас нет. Я бьюсь каждый урок, чтобы вы хоть письмо смогли написать любимой девушке, а не только по телефону звонить. (Я на уроке на украинском языке говорю, а после уроков – на русском.)

Вот я и говорю:

– Ты же письмо не сможешь написать, стыдно будет.

– Не будем больше, – и пошли.

«А вин мени кажэ...»

Ещё только раз Сытников хвост при мне было поднял. Я ему сказала:

– Чого ты ерепенишься? Ты кто такой? Ты ще середнего роду, а взрослых не слушаешь! Нос ще вытираешь нэ так, як надо. Вытри нос!

А вин мени кажэ:

– Сама вытри!

Я растерялась, не знаю, что делать. Ничего ему не говорю, иду к своему столу, достаю из сумки платочек (они у меня такие красивые – китайские), иду к нему (а он у меня за первой партой сидит), подхожу...

– Ну если ты не умеешь вытирать, давай я сама вытру! – и за нос его схватила. Он и понятия ничего не успел.

Все засмеялись. Он покраснел как рак.

– Вот такие, Сытников, дела. Что ж делать, если ты в восьмом классе ещё не умеешь нос вытирать, а хвост поднимаешь выше трубы! – и пошла, и продолжаю свой урок.

Он после этого, как щенок, ко мне привязался. Стоит мне ребят попросить о чём-нибудь – он сразу: «Я сделаю!»

Как-то я после уроков с отстающими занимаюсь, что-то им читаю, а он возле меня сидит. И кофта такая мохеровая у меня была – так он сидит и кофту гладит. Влюбился в меня! А ведь совершенно управляемый был.

Бакунов и Сытников – они стали моей первой защитой. У нас такой Комаров был – неважный мальчишка, нечистый на руку. Если Комаров подошёл к учительскому столу, они сразу: «Виталик, что ты там делаешь? А ну отойди».

В общем, я у них чуть ли не авторитетом стала. Как в уголовном мире.

«Це ж бешени!»

Иду я как-то по коридору к себе на урок, слышу: шум, крики в кабинете физики. Я подумала, что урока нет. Открываю дверь. 9 класс. Учительница сидит за столом, тему объясняет, а они – кто на столе, кто под столом, кто на голове...

Я говорю: «А це шо?» Она мне: «Вот погляди: це ж бешени!»

Любые дети реагируют на резкий звук. Я к парте подхожу и как стукну по ней:

– Чого це за фокусы? Где це ваше мисто? Вы шо, своих мист не знаете? А ну швыденько на свои места!

Они задёргались: идти, не идти?

– Быстро! И шоб я вас нэ чула!

Они мне потом сказали:

– Если б вы, Тамила Ивановна, в армии служили, вы бы до генерала дослужились.

«Я ГОВОРИЛА НЕ БУЦАТЬ?!»

В колхозе они две недели без меня работали. Тут я приезжаю – а у них долгов полно!

– За подсолнечник хорошо платят. Будем работать на подсолнухе?

– Будем.

– Хорошо. Только требования такие. Когда прорываешь подсолнечник, его нельзя сшибать. Если сшиб, он растёт кустом. Так что только с корнем вырывать, – объясняя я им. – Наклоняться надо, а як же ж! Тильки не химичить. Всё понялы?

– Всё понялы.

Вот я иду по грядке за ними следом. А что там мой Карташов вперед вырвался? Не такой вроде рьяный парень – и впереди! Я на его рядок шасты! – а там одни посбиванные подсолнухи. Я насобираала этих подсолнухов. Зову его: «Карташов! Карташов!» А он не слышит: ветер навстречу. Гляжу: идёт в спортивных штанах, без майки и ногой подсолнухи сбивает. Ага, потом он в конце рядка ляжет и будет ждать, когда другие подойдут.

Я бегу по рядку за ним. А ему кричат: «Карташ, тикай!» Я его догоняю и этими подсолнухами по спине: «Я тебя просила не буцать, я тебе говорила не буцать! А теперь иди, вырывай то, что набуцал».

Понимаете, где-то что-то и придавить надо. Как без этого? Но это должно быть полушутя-полусерьёзно.

Во время солнцепёка клещевину полоть нельзя: выделяются эфирные масла, и дети падают в обморок. Но за клещевину хорошо платят. Значит, если хотите заработать, надо вставать в 6.00. Захожу их будить: «Девчата, подъём! Ребята, подъём!» Идут сонные, умываются, в автобус, на поле. Поработали до 9.00 и на завтрак...

Так они аж с Нового года начинали просить меня поехать с ними в колхоз. А я им полушутя-полусерьёзно: «Вы меня так доведёте за год, что я на вас не хочу дывиться. Петра Александровича до инфаркта довели? Довели. Идуть з моих очей, шоб я вас не бачила»...

«СПЕРВА ДОГОВОР»

Я детям сказала, чтобы после девяти я никого во дворе не видела. Иду к подруге своей во двор. Они сидят на скамеечке. Я иду по дорожке. «Атас! Тамила!» – и никого нет на скамеечке.

А в лагере, знаете, как с ними трудно? Ведь двадцать четыре часа с ними!

На танцы в клуб хотите? Пожалуйста, танцуйте. Но до 12.00. Хотите краситься – красьтесь. Но если у кого-нибудь увижу утром макияж – никаких танцев. Чтобы были все умытые и в 12.00 спали.

И вот они в клуб в посёлок уйдут, а я как на иголках...

Когда они едут в колхоз с другими учителями, то учителя там все на нервах. А я как-то с ними особых трагедий не испытывала. Хотите на танцы? Хорошо. Но давайте сперва заключим договор.

Он наклоняется. Я его за чуб:
– Твоя работа?..

Сержусь по-настоящему, конечно. Но они знают, что заработали. Некоторые учителя их норовят побольнее оскорбить. Вот, например, у меня Колбасова Валя была. Математичка ей говорит: «Так, Колбасова, покажи, что ты здесь наколбасила?» Та – в слезы. А на то, что я говорю, они не обижаются. Я даже не могу объяснить, как это получается. Просто надо уловить их психологию.

«УЖЕ ШНУРКИ ЖАРЯТ»

Распорядиться надо весело. Если рассердился – не зуди, лучше по шее дай.

У нас физик был умнейший, но дисциплину не держал, я сначала даже на уроках у него сидела. Они ему зададут задачку, он им начнёт доказывать – чуть не на полу уже пишет, а они делают, что хотят.

И вот я как-то зашла к нему на урок, чую: уже шнурки жарят. А когда шнурки жарят, страшный запах. Я только глянула: ясно, откуда запах идёт. Два парня сидят рядом. Красивые ребята. И умные. А как вместе – так школа.

Только урок кончился, я бегом туда – и к ним, чтобы не выскочили из класса. А один из них – под метр восемьдесят. Я его схватила:

- Наклонись, – говорю.
- Зачем это?
- Наклонись, а то не достать!

«РОДИТЕЛИ ЗА МЕНЯ ГОРОЙ»

И родителям они на меня никогда не жаловались. Ну, в классе бывает, конечно, один-два таких пакостника. Я их знаю и не трогаю. Их и дети не любят.

А родители всегда были за меня горой. Вот был случай. У меня 9 класс. И надо школьную газету выпускать. Обычную стенную газету. А я забыла о ней совершенно. Вспомнила часов в 9 вечера. А с завучем мы как раз в контрах были. Ну, думаю, завтра съест.

Я звоню одной девочке, Ларисе, и говорю: «Понимаешь, нам надо, чтобы завтра была выпущена газета, а я забыла». Она мне говорит: «Не волнуйтесь, Тамила Ивановна, всё будет сделано».

Так потом мне её мать говорила, что отец не спал всю ночь – с дочерью газету рисовал, а она помогала. У Ларисы родители – оба инженеры.

А у другой девочки, которой Лариса позвонила в ту ночь, отец был наш мэр. Так вот Лариса, её мама, её подружка и эти два папы, один из которых мэр города, делали всю ночь газету. И в 8 часов утра она уже висела в коридоре школы!

«Кто це зробыл?»

И я никогда не жалуясь родителям: ведь родители начинают их наказывать, иногда бьют. Тогда у детей вырабатывается протест против учителя, против школы, против всего. Что я, сама, без родителей, не справлюсь?

Сняли дверь в женском туалете. В шутку.

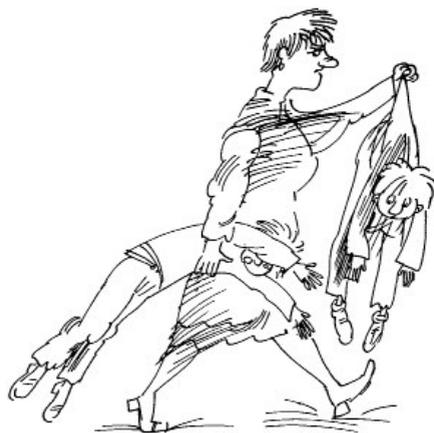
– Похоренко, а ну иди сюды. Наклонись! Кто це зробыл?

А он метр девяносто. Я же его не достану. Так я его за ухо.

– Наклонись, я тебе сказала!

Он наклоняется. Я ему на ухо:

– Саша, сейчас *возьмите* дверь. (Я когда «на вы» к ним обращаюсь, они знают, что дело пахнет жареным.)

– То не мы!

– Саша, я *вас* не спрашиваю, *вы* или не *вы*. Если бы я спросила: «Саша, это вы или не вы?» – вы бы ответили. А я *вас* не спрашиваю. Я просто *вам* говорю: «Саша, возьмите дверь и повесьте на место». Ты меня понял?

– Да.

Всё. Я знаю, что дверь будет на месте.

«Своих я в обиду не давала»

Я вот разозлилась на Прохоренко. Но попробуй кто-нибудь его тронуть со стороны! Я глаза повыцарапываю! Своих детей я в обиду не давала. Это мои. Моя семья. Только я могу накричать. И они это чувствовали.

Не дай Бог, если кто из учителей пожалуется на моих ребят. Я так скажу: «Надежда Ивановна, у тебя свои есть? Вот за ними и смотри. Ну ходила моя Верочка с хлопцами за школой. И шо? Тебе в твои сорок лет, понятно, неинтересно там ходить. А обидеть девочку – раз плюнуть».

Вот у нас ещё был Степан. Я ему говорила: « Степа, если ты не изменишься, ты сядешь в тюрьму. Ты плохо себя ведёшь. Так не годится». Он-таки сел.

Дисотеку устроили. Ребята купили вино. Я их поймала сразу же с этим вином. Но кто-то уже успел сказать директрисе. Директриса ко мне: мол, Степан приносил вино. Я ей говорю: «Если

Степан и приносил вино, он его что, пил?».

А дети откуда-то узнают, что я их защищаю. Они чувствуют и абсолютно точно знают, кто им враг, а кто друг.

Вот и про папу моего, Ивана Николаевича, учителя географии, потом директора, а потом снова просто учителя, они всегда абсолютно точно знали, что он им друг.

«РАЗ ПО ПАРТЕ – И УКАЗКИ НЕТ»

После войны в школе были одни переростки. В четвёртом классе им по 15 лет было, в седьмом – по 18. Папа их называл «соколята». А эти соколята – настоящая банда. Как врежет им указкой. А потом по парте. Раз! – и указки нет. Указки у него летели, как спички.

Ребята кричат:

– Больно!

– Да-да-да, хлопцы, а шо ж вы хотели? Так ведь должно быть больно, шоб оно в голову пришло.

Многие его ученики работали в мебельном цехе. Указки ему натачат на станке – да только ненадолго хватало.

Закончится учебный год – а соколята уже на заборе висят: «Иван Мыколаевич, поехали!» Он их на экскурсии возил. Всю Украину и Крым объехали на грузовой машине. Сверху в кузове – бочка бензина и 20 человек детей. И Иван Николаевич с ними.

«КОСЫ ГОЛОВЦЫ»

И уже ж папа не работал, на пенсии был. И уже ж взрослые они стали, соколята эти, выучились. Идёт он, а они возле магазина бутылочку распивают.

Мама моя их в младших классах учила, а папа – в старших. Мама никого пальцем не тронула, только сюсюкалась с ними. Не кричат они ей через 25 лет: «Добрый день!» А папу мимо не пропустят, чтобы не поздороваться:

– Добрый день, Иван Мыколаевич!

– Добрый день, косы головцы (головастики)! Шо, горилку пьете? Вот у мэнэ список е, кто от горилки повисився, кто потонул, кто задушився...

– Ни-ни-ни, Иван Мыколаевич, мы не пьем.

– Смотрите, косы головцы. У мэнэ список там может пополниться.

«ЯКА ХАТА – ТАКИЙ ТЫН»

Мой папа был учителем географии, потом много лет в той же школе директором, а потом там же опять учителем. И получилось так, что у него учились не только дети, но когда-то и их родители и даже деды. Он с 35-го года в одной школе.

Придет, например, родитель и спрашивает:

– Иван Мыколаевич, як там мий Петро?

– Пытаешь, як твий Петро? Яка хата – такой тын, який батько – такой и сын!

– Иван Мыколаевич, и я такой был?

– О то и ты такой был, як твой Петро.

– И шо ж мэнэ з ним робити?

– А ничого. Выучим с Божьей помощью.

«ЗА ШО НАС БИТЬ?»

Один раз учительница одна, Екатерина Максимовна, взяла у папы в географическом кабинете палатку для похода. Потом все говорила: отдам да отдам. А палатка на учёте. В конце концов она сказала, что отдала ему палатку. А он: как это так отдала, если ты не отдавала? Ну, в общем, поссорились они.

И она подговорила свой класс. Провела с ними собрание. В протокол собрания внесли жалобу, что Иван Николаевич бьёт детей. Это заявление она отправила в министерство. Из министерства приехала комиссия. Но дети, конечно, не знали, зачем.

Вызывает инспекторша детей, спрашивает, кто у вас там историю читает, кто математику, как учительлей зовут и так далее.

– А географию кто читает?

– Иван Николаевич.

– А вин вас бье?

– Ни, не бье.

А случай на самом деле был. Парни как-то сцепились на уроке. А они же здоровые амбалы. Ну и стал папа их разнимать. Да так, что у одного нос оказался разбитым.

Тут инспекторша завелась:

– Ну он же тебя бьёт!

– Чи вин мэнэ бив?

– Он же тебе нос разбил.

– А, нос... Так то не он. Я баловался, и он меня выгнал из класса. А я выходил, а мне Левченко ногу подставил, я упал и нос разбил.

Вызывают Левченко.

– Левченко, бил Иван Николаевич этого парня?

– Чи вин его бив? За шо? Нихто нас не бье. За шо нас бить? Мы и так нормально себя ведём.

Вызвали комсорга Тамару, которая протокол того собрания вела:

– Иван Николаевич бьёт вас?

Она молчит. А Екатерина Максимовна:

– Тамара, ну скажи, мы ж писали протокол.

А у Тамары слёзы:

– Сплетница вы, Катерина Максимовна! Мы не так на собрании говорили! Вы меня потом заставили переписать этот протокол!

А потом главный проверяющий и говорит:

– Знаете, Екатерина Максимовна, я могу поверить в то, что он их бьёт. Но ещё я уверен в том, что если б вы хоть пальцем тронули кого-то из них, они бы не стали этого отрицать. Значит, будьте таким учителем, чтоб дети вас понимали и защищали.

«ЩЕ Ж НЕЗАКОННО!»

Мама чуть не умерла: «Не трогай их. Я ж тебя прошу! Посадят!» А он не боялся: «Не морочь голову!»

А потом он директором стал. А потом его выгнали из директоро-
в. За что? За невыполнение все-
обуча.

После войны в семьях погибших
матери получали пенсию за погиб-
ших отцов только в том случае, если
ребёнок учился в школе, то есть
до 18 лет. А им в седьмом классе
18 лет уже было (они в 10–12 лет
только в первый класс пошли!). И вот
если ребёнок справку из школы при-
носит, что он в школу ходит, то собес
выплачивает матери пенсию.

А время тяжёлое было, и дети
уходили из школы, устраивались
на работу. И папа всем, кто ушёл
и работает, давал эти справки.

Мама переживала, что это неза-
конно. А он:

– Чего ты гавкаешь?

– Ну посадят же! Ну це ж неза-
конно!

– А то законно, что батьки по-
гибли, а их дети страдают сейчас?
Они ж пошли на работу не потому,
что им так хочется, а потому, что
им кушать надо что-то. Батьки за-
щищали страну, погибли – теперь
пусть государство кормит их детей.

Так он считал.

А Бабенко был завучем. А ему
очень хотелось быть директором:
зарплата больше и квартира. И он
написал заявление, что Иван Нико-

лаевич даёт эти справки за взятки.
А тогда вообще понятия не имели,
что такое взятка.

И приехала комиссия. И выяс-
нила, что действительно дети, ко-
торые получают пенсию, в школе
не учатся. Но тогда получалось, что
они должны вернуть деньги государ-
ству. Иван Николаевич не побоялся
и сказал: «В то время, когда я давал
справки, они ходили в школу».

В общем, чуть-чуть не посадили.
Но из директоров выгнали. Но по-
сле него никакого другого директо-
ра в наших краях не признавали.

«Чуть на дурку не попал»

Потом Ольга, сестра моя, со-
бралась замуж за этого Бабен-
ко. Я была категорически против.
А папа мне говорит: «Тома, нэ
можно так. Люди же ошибаются.
И он ошибся. Но он уже понял свою
ошибку».

Отец говорил, что людям надо
прощать. Простил. А потом из-
за того же Бабенко чуть на дурку
не попал. Это уже когда мы Наташ-
ку, внучку его, покрестили, а Ба-
бенко затеял скандал: «Это без
моего ведома! Это враги мои!» В те
времена нельзя же было крестить,
папа-то – член партии. Вот тогда он
и схватил первый инфаркт...